

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК



Алексей Малашенко

**Повесть
о террористах**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО

ПРОСТО ТЕРРОРИСТ



Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

Уважаемые читатели!
Ваши отзывы и предложения отправляйте по адресу
bibl@kkterra.ru

ОБ АВТОРЕ

Игорь Малашенко родился в 1951 г. в Москве, в 1974 г. окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор политологии. В 1970-е гг. служил переводчиком с арабского языка на Ближнем Востоке и в Северной Африке. С 1976-го по 1999-й с перерывами работал в Институте востоковедения АН СССР (позже РАН). В 1982—1986 гг. трудился в Праге в журнале «Проблемы мира и социализма». В 1996 г. стал содиректором программы «Религия, общество, стабильность в Евразии» в Московском центре Карнеги. Параллельно преподавал в Московском государственном институте (университете) международных отношений, а затем, с 2007 г., в Высшей государственной школе экономики.

Опубликованы 15 его книг, в том числе «Ислам для России», РОС-СПЭН, Москва, 2007; «Как выбирали в Чечне», Московский центр Карнеги, Москва, 2007; «Исламская альтернатива и исламистский проект», Московский центр Карнеги, Москва, 2006; «Исламские ориентиры Северного Кавказа», 2001. Книги и статьи Малашенко издавались в Великобритании, Индии, Китае, Саудовской Аравии, США, Франции и т. д. В 1993 г. в Нью-Йорке вышел роман «Последний красный август» (The Last Red August. Charles Scribner's Sons, New York, USA, 1993). Кроме того, в 1980-е годы Малашенко перевел с французского языка и опубликовал (под псевдонимом Н. Новожилов) пьесы Франсуазы Саган и Альбера Камю.

Вот уже 30 лет И. Малашенко занимается проблемами ислама и всем, что с ним связано. В связи с этим ему приходится довольно часто бывать в зонах конфликтов... Персонажи этой книжки ни с кого не списаны, у них нет реальных прототипов, но ситуации, как говорится, «очень похожи на правду»...

© Издательский дом «Огонек»,
внешнее оформление, 2008

© Терра—Книжный клуб, 2008

ИНТЕРВЬЮ

Рассвет в Б. не похож на рассвет в Москве. Здесь и солнца не увидишь. Только знаешь, что оно где-то там есть. Между домами.

Женя стоял у окна. Он не любовался восходом. Ему было противно. Такие восходы хорошо встречать с чистой совестью. Еще лучше с женщиной, которая тебя любит.

А от него посреди ночи ушла проституточка. Он прогонял ее, а она не уходила. Канючила, чтобы он ей что-нибудь подарил.

Телефон задрезжал тихо и противно. Как умеют только гостиничные телефоны.

— Евгений Чингизович? — обрадовался мужской голос на другом конце провода.

— Да, Карыбек Шеримкулович.

— Как спали?

— Замечательно.

— Какие у нас сегодня планы?

Женя помедлил с ответом.

— Жду звонка из Москвы, — зачем-то соврал он. — Потом сразу выяснится.

«Все знает, — подумал Женя. — Даже про девочку».

— Когда позвонить, Евгений Чингизович?

«Вот ведь одарили родители именем-отчеством», — чертыхнулся про себя Женя.

— Я сам позвоню, Карыбек, — и, решив, что говорит слишком официально прибавил: — Обязательно позвоню.

Они сидели внизу в баре. Карыбек перечислил все организованные им встречи. Жене не хотелось ни с кем встречаться. Он подумал, что напрасно сюда приехал. Большой материал об экстремистах-террористах можно сбавать и в Москве. Тем более что Главный просил написать «чего-нибудь аналитического». А уж «аналитическое» всегда можно высосать из пальца.

Но теперь отступать поздно, и Женя, смастерив на лице заинтересованность, принялся слушать.

...Через пятнадцать минут они ехали в отреставрированной бордовой «Ниве», которая катилась к границе между двумя некогда советскими республиками. Три часа спустя они въехали на городскую окраину, где среди двух-трехэтажных облезлых домов торчало полдюжины пятиэтажек.

Карыбек остановил машину.

По лестнице с выбитыми плитками, мимо двух мусоропроводов без крышек они поднялись на третий этаж. Карыбек позвонил и сразу взялся за дверную ручку. Дверь была не заперта. Навстречу им в крохотный квадратик коридора уже выходил хозяин — скуластый человек лет пятидесяти в клетчатой рубашке.

— Аскар, — протянул руку хозяин.

— Евгений.

В двухкомнатной распашонке стоял полированный стол. На столе — три блюда: с орешками, печеньем, куртом. Над столом висела тридцатилетней давности хрустальная люстра.

Женя с, как ему казалось, доброй улыбкой глядел то на хозяина, то на сервант, на главной полке которого красовалась жуткой величины стеклянная золотая рыбка.

Карыбек включился сразу.

— Аскар, вот мой друг Евгений Чингизович приехал из Москвы. Он — известный журналист. Его везде знают. Он хочет написать... — Карыбек перешел на местный язык. Он говорил долго. Хозяин только раз вставил одно слово и притом по-русски — «хорошо».

— Спрашивай, — сказал Карыбек Жене.

— Вы прокляли старшего сына за то, что он ушел к боевикам. Простите, что я об этом спрашиваю. Вы его действительно прокляли или только так? Бывает, проклясть надо, чтобы его выручить, может спасти семью. Можно закурить?

— Наш Нурбулат связался с нехорошими людьми. Он ходил к ним, приводил их сюда. Он стал учить арабский язык. Он сказал, мы — плохие мусульмане. Он говорил, что я старый и что мы всегда жили неправильно. Он оскорбил в мечети нашего имама. Ему двадцать два года. Школу кончил. Сначала работал — выучился на сварщика. Потом сторожем служил на автобазе, потом на кладбище. Он там с ними встречался.

Женя знал конец этой истории: Нурбулат сначала стал членом очередного джихада, ушел к боевикам, полгода назад был ранен в перестрелке. Сейчас он находится под следствием.

— Зачем вам это надо знать?

Женя обернулся. За его спиной стоял невысокий молодой человек.

— Это тоже мой сын, Уран. Он любит брата.

— Зачем об этом писать? Кому это нужно? — Уран говорил по-русски чисто, лишь переставляя ударения. — Зачем писать?

Женя подумал, что и в самом деле не знает, для чего это все нужно.

— Видали дворец за городским парком? По дороге к нам. Спросите, сколько он стоил. Сходите в гости к Алимову, к нашему мэру, так в Москве у вас говорят? Он тебя не пустит. Хотя ты и москвич. Теперь Москвы не боятся. Он украл полгорода. Ты голосовал за него? — Уран повернулся к отцу.

— За что ты всех ненавидишь?

— За что ты всех любишь? Я вас ненавижу за то, что все здесь дураки. За то, что всего боитесь. Алимов никого не боится. Он только Нурбула боялся. А Нурбул его не боялся. Нурбул правду говорил. И хотел все поменять. Теперь его посадят. А ты что сказал корреспонденту? Что ты сына своего не понимаешь, да?

— Я правду говорил. Не знаю, чего он хотел. Но он был хороший.

— Почему был?

— Потому что сядет, а каким выйдет, кто знает.

Отец Аскар замахал руками: живем же. Наверно, потом будет жить лучше.

— Вы зачем приехали? — обратился Уран к Жене. — Хотели посмотреть на ваххабитов, да?

Женя отхлебнул чаю. Негодование Урана переключалось на него.

— Хотите познакомиться с ребятами?

Карыбек напрягся. Знакомство с «ребятами» не входило в его планы. Он не отвечал за такую встречу.

Пока журналист и Карыбек приспосабливались к новой ситуации, в комнату без стука вошла коротко стриженная женщина. Ей было не больше двадцати пяти. Длинная юбка с неожиданно высоким разрезом.

— Здравствуйте все.

— Катя, — представил Уран женщину, — наша соседка.

Катя села на углу стола и налила в пиалушку чая.

— Кого ж ты ведешь к «ребятам»? — она качнула головой.

Катя обернулась к Жене.

— Евгений Чингизович, — неожиданно для себя самого представился Женя.

— Вот как? — Катя усмехнулась.

— О чем будете писать, журналист?

— Не о тебе, — поморщился Уран.

— Почему бы и нет? Сейчас в Москве много пишут о трудной судьбе русскоязычных в нашей Азии. А я — самая русскоязычная.

— Ты просто язычная, — произнес Уран.

Катя хмыкнула:

— Ладно, вижу, что не вовремя. — Она поднялась и исчезла в дверном проеме столь же внезапно, сколь и появилась, махнув на мужчин запахом дешевых духов.

— Я лучше на балконе покурю. — Женя поднялся. За ним Карыбек.

— Что там?

Карыбек посмотрел вверх бельевой веревки.

— Эта Катя и Уран... У них любовь. Семья Кати собиралась уезжать в Россию. Отец ее пенсионер, бывший учитель, мать тоже учительница. Катя в школе отличницей была. Денег у них не хватало. И взять неоткуда. Она пошла к услуге к Алимову — стирать-убирать.

— Женой, что ли?

— Третьей. Неофициально. Уран после этого пошел к «ребятам».

На балкон, развинув тряпки, прошел Уран.

— Едем?

Женя понимал, что может подвести Аскара, его семью, да и Карыбека, что он напрасно рискует. Но ему хотелось к обещанным «ребятам».

У «РЕБЯТ»

Уже на улице он сообразил, что забыл сходить в туалет. Начинать встречу с «ребятами» с поисков сортира было не к лицу. Едва забралась в машину, он попросил Карыбека остановиться на каком-нибудь пустыре. Карыбек выбрал поросшее сухой травой придорожное пространство, на котором встретили свой последний час два синих без колес автобуса.

Миновали жидкий микрорайон и въехали в улицу из заборов и одноэтажных домов без окон, зато с прочными коричневыми, черными и желтыми дверьми. Вдоль улицы замер арык, из которого выплывали головки пластмассовых бутылок.

Уран вылез из «Нивы» последним и, пока Женя осматривался, принялся нажимать на черную кнопку в стене. Минуты через две дверь открыли.

— Заходите.

Они очутились в дворике. Посреди него росла корявая чинара, в которой на уровне плеч было вбито три гвоздя. На одном висело темное пальто без пуговиц. Вокруг чинары были приколочены гладкие затертые доски, служившие лавкой.

Во двор выходило несколько дверей. Все, кроме одной, были закрыты. О том, что здесь тоже есть жизнь, свидетельствовали детские юбочки в стоявшей на земле оцинкованной ванне.

Открывший дверь молодой мужчина с сомнением посмотрел на спутников Урана, но все же пригласил их пройти в выходящую прямо во двор комнату. Короткие ступеньки вели вниз. Пол в комнате с низким потолком был покрыт серым линолеумом, в углу стоял канцелярский стол, возле него — два порванных зеленых кресла. Над столом висела новая позолоченная лампа. Вдоль стен стояли две кровати.

На них сидели трое «ребят».

Женя поздоровался за руку с каждым и попытался запомнить их имена. Спустя три минуты он узнал, что присутствует на заседании ячейки джамаата, что сегодня они обсуждают вопросы о том, как «охватить» большее число горожан и как настроить в свою пользу местного милиционера — проработавшего здесь лет 30 участкового, настоятельно советуемого им побыстрее разбежаться.

Вот так же должны были проходить собрания персонажей из «Молодой гвардии» — книги, призванной воспитывать молодое поколение.

Про Женю как-то сразу позабыли. Он вышел на воздух. За ним последовал Уран.

— Ну и как? — обратился он к Жене, только что выдохнувшему струю густого дыма. — Мы и здесь, — закипятился Уран, — мы и в столице. Смотри! — Уран провел рукой за мешками и вытащил целлофановый сверток. — Это мы раздаем людям. — В пакете было три пачки листовок в тетрадный формат. По кайме листочков шла арабская вязь. — Люди читают. Потом в мечети вопросы имаму задают. Евгений Чингизович. Я вам еще могу сказать... Вы ведь тоже мусульманин, да?

Женя не был мусульманином. Его мусульманство ограничивалось отчеством, доставшимся от отца. Отец умер в 65 лет, так и не побывав ни разу в мечети. На поминках на его письменном столе горела свечка, соседка сварила кутью, а мать, когда вернулись из крематория, коротко перекрестилась на маленькую иконку.

Но «Чингизович» обязывало. Женя определял его как «свой мусульманский крест», который он должен был пронести. И с возрастом, а может еще и из-за его профессии, он все больше испытывал тяжесть этого креста.

Уран тем временем собирался открыть еще одну тайну. Женя догадывался какую.

— У нас не только листовки. Мы готовы к более серьезному.

— Послушай, Уран, ты мне этого не говорил. И не стреляй ты, ради всего святого, ради Аллаха. Вдруг попадешь.

Сочувствие Жени переходило в раздражение. Он становился сообщником Урана и «ребят». Первый раз в жизни нечто подобное он испытал года три назад на окраине Грозного. Он сидел в компании выпивших и злых чеченцев. Те стрелять умели. Женя пытался пытался их понять. Но знал, что следующим вечером он уйдет от них к другим, к тем, кто убивает чеченцев.

Он навсегда остался между теми и этими. Он хотел быть над всеми ними. Глядеть на них со стороны. Он завидовал коллегам-приятелям, для которых эта раздвоенная жизнь была всего лишь профессиональной обязанностью.

— Показать, что у нас? Только никому не говори, — уже совсем подетски добавил он.

— Не надо. Ни к чему. Откуда, кстати, это у вас?

— Ну, кое-что мы сами достали еще раньше у... ваших, советских, ну, когда еще можно было раздобыть. Военные уезжали. Ну там, склады не успевали возить.

— Уран, как вы собираетесь все это делать. Халифат, в самом деле, строить?

— Какая разница, как его назвать? Халифатом, шариатом, да хоть коммунизмом.

— Уран, то же война гражданская. Вас же не поддержат. Да и, честно говоря, здесь какая-никакая, а все-таки армия. Люди хотят жить спокойно.

— У вас есть другое предложение?

Уран почувствовал в Жене благодарную аудиторию. Между ними возникли отношения артиста и зрителя. Чем больше Уран говорил, тем более верил в собственные слова.

— ...Ты б мне помог, если б я к тебе пришел?

Уран запанибратски хлопнул Женю по плечу.

— Не обижайтесь, Евгений Чингизович. Вы хороший человек, потому я так и откровенно совсем.

Женя с облегчением рассмеялся.

— Позови Карыбека. Я туда больше не войду.

Прощались на улице. Уран приобнял Карыбека и похлопал его по плечу. Карыбек погрозил ему пальцем.

Женя первым залез в «Ниву». Карыбек, прежде чем сесть в машину, покрутил по сторонам головой.

— Ну что, доволен? — спросил он Женю, как только «Нива» свернула на главную улицу, левая сторона которой все еще звалась проспектом Мира, а на домах правой стороны висели таблички с новым названием «Истиклол».

— Ну и могут они что-нибудь?

Женя покрутил головой, но ответил неопределенно:

— Кто их знает.

— Вот послезавтра увидишь того, кто их знает.

УМНЫЙ МИНИСТР

Послезавтра Женя его и увидел.

Министр носил очки в золотой оправе. Ему сообщили об очередной московской штучке, которой охота покопаться в местных дрязгах. Министру было известно, что он из газеты, которой балуется его президент, и он согласился на встречу.

Министр, который в 69-м окончил юрфак МГУ, был идеальным официальным собеседником. В доброе старое время он научился говорить на нескольких русских языках в зависимости от чина собеседника. Позже, когда былая табель о рангах оказалась непригодной, он стал совершенствоваться и выработал особый нейтральный диалект, на котором говорил с людьми, которые ему не нужны и которым он не нужен, но с которыми он общается в силу новых, ранее не существовавших обстоятельств.

Женя пил кофе. Сахар в соответствии с новой традицией подали не в сахарнице, а по-аэрофлотски — каждый кусок в коричневой обертке. Женя не спеша развернул два кусочка и с бульканьем уронил их в чашечку.

Министр закурил красное «Мальборо». Женя вынул свое, легкое. Они затянулись одновременно, и сразу наступила пауза — дым объединил их. В беседе возник единственный и последний момент, когда могла наступить короткая откровенность.

Но умный министр сдержался.

Женя хотел немножко разозлить министра, напомнить ему, что его гость все-таки из Москвы. Которую министр не боится теперь, но которую боялся прежде. Женя знал, что все эти нынешние чиновники, несмотря на всю солидность, на выилы, которые они по-прежнему именуют дачами, на собственные фирмы, ностальгируют по временам, когда они пили в московских и ленинградских общежитиях, боялись взбучки от комитета комсомола и, приезжая на каникулы домой, свысока посматривали на своих туземных родственников.

Женя был для него напоминанием о тех счастливых невозвратных годах.

— Да, — веско сказал министр, — есть у нас противники. И вы правильно говорите об этих... фундаменталистах или ваххабитах? С ними не так просто сладить. Народ у нас бедный. У них деньги. Они паразитируют на наших трудностях. Ведь правда? — обратился он не к Жене, а к своему референту.

Референт закивал.

— Мне вот тут рассказали, что вы встречались с этими «ребятами». Это ваше дело. Знаете, а ведь мы их задержали. Не всех. Двоих. Один из них прятал оружие. Чудной такой парень. Так прямо и бухнул, что готов воевать с нами.

— Вот как? Того, которого вы арестовали, не Уран, случайно, зовут?

— Не помнишь, случайно? — обратился министра к референту.

— Помню. Уран. Брат того, от которого семья отказалась.

— Ну, — приветливо кивнул министр, — о чем будете писать? О визите к боевикам или что-нибудь о правах человека? Только не думайте, что их взяли из-за вас. Просто совпало. Там у них, знаете, есть участковый. Ушлый такой дед. Все убеждал-убеждал, а потом не выдержал...

— Вы их боитесь? — полутвердительно спросил Женя.

— Опасаемся и потому принимаем превентивные меры.

«Интересно, будут бить Урана или нет? — подумал Женя. — И вообще, в чем его обвинят? Хотя обвинить теперь можно в чем угодно, и все “в кассу”. И за оружие, и за листовки».

Министр читал его мысли.

— Ничего с вашим Ураном не будет. Будет себя хорошо вести — даже до суда не дойдет. Как вы сами думаете, будет он себя хорошо вести?

— Будет, будет, — поспешил ответить за Женю Карыбек.

Министр проводил их до самых дверей.

Карыбек долго колесил по щербатым улицам, куда машина не выбралась на одну из двух освещенных центральных улиц и помчалась вверх к высокой, стоявшей возле старого аэропорта гостинице.

— Доволен? — спросил Карыбек, когда они вернулись в гостиницу.

— В общем, да.

Они попрощались. Карыбек сел в машину. Женя поднялся в номер собираться.

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ

Самолет стало болтать за час до Домодедова.

Лучшее средство против турбулентности — сон. Женя зевнул, добавил нового дискомфорта своей попутнице, и, затолкав ноги под переднее кресло, задремал.

Проснулся он даже не от толчка при посадке, но от колготки в проходе.

Женя стащил с верхней полки синий made in Turkey дорожный чемодан.

Пройдя короткую очередь паспортного контроля, он вышел в зал, выглядывая Борьку — веселого шофера, который числился за Главным, но также был посылаем за солидными людьми или любимчиками начальства. Женя ходил в любимчиках Главного, к которому давным давно прилипла кличка «буржуй». «Буржуй» был первым, кто еще в 93-м обзавелся «мерседесом», и одно время носил на правой руке вызывающе толстый золотой браслет.

Жене нравилось, когда его встречал разговорчивый Борька. Борис охотно пересказывал Жене редакционные сплетни. Борис был прекрасным рассказчиком и к тому же любил копировать своих персонажей. Но вместо Борьки на шею Жене бросилась в расстегнутом плаще Полина. Она подобрала колени, и Женя чуть не потерял равновесие.

От Полины шел легкий аромат свежепитого коньяка.

Даже хорошо, что его встретила именно она. Только что-то очень неожиданное могло отбить память об Уране, умном министре, «ребятах», о

Кате. Увидев чуть-чуть податую и веселую Полину, он решил, что пошлет к черту проблемы, которые из московского далека перестанут быть проблемами, а вскоре обратятся в нехитрый газетный текст.

Тем временем Полина что-то рассказывала.

— Ты не представляешь, я к нему ходила раз пять. Он все молчал или фыркал. Занимайтесь, говорит, своим делом. У вас слишком умное лицо. Вот довод нашел. Но... — Полина вздохнула. — Я его измором взяла. И согласился-таки.

— Прости, ради бога, Поля, я не понимаю.

— А ну тебя, говоришь, говоришь. И ни в одном глазу.

— Зато у тебя сразу в двух.

— Ну вот. Я его встретила, радовалась, а он опять за свое.

Чем больше она пересказывала свою борьбу с начальником, увенчающуюся успехом — ее отпустили на Кавказ делать какой-то сногшибательный репортаж о нелегкой жизни местных женщин, — тем больше казалось Жене, что она порывается сообщить о чем-то еще, но не знает, как это сделать.

Они уже въехали в Москву и проезжали район по имени Зябликово, когда Полина наконец обмолвилась:

— А я, кажется, влетела.

Женя женился на Полине случайно. Как он сам говорил, «назло коллективу». Его приятелям не то чтобы надоело наблюдать их вялотекущий роман, им просто наскучило каждый раз в присутствии Жени и Полины твердить, что они не пара.

Женя не понимал, любят они друг друга или нет. Однако они ужились, удовлетворяли свои, как говорила Полина подруга Танька, физиологические потребности. По вечерам рассказывали друг другу о работе. Точнее рассказывал Женя, а Полина все больше жаловалась, что не может пробиться на своем канале, и кляла разные интриги.

Пожили таким образом почти три года. Один раз на месяц пропала Полина, один раз на такой же срок — Женя. Но оба вернулись.

О детях никогда разговора не было.

Как реагировать на новость, Женя не знал.

— Ты беременна, что ли? — попробовал Женя первый вопрос.

— Наверно.

— Странно как-то, — продолжил Женя. — Мы вроде не договаривались.

— Ты против?

— Хотелось бы знать заранее. А знаешь, — он положил ладонь на ее руку, лежавшую на переключателе скоростей, — я согласен. Тебе самой веселее будет.

— Устал?

— Думаю, да. Зачем ты летишь? Опасно все-таки.

— Рассказал бы, как съездил.

— Завтра расскажу. Хорошо съездил.

— Что твой Карыбек? Помог? — В устах Полины, посреди громадной ночной Москвы имя Карыбека звучало сказочно. — Оправдал доверие?

— Оправдал, Полина, оправдал. Сложно там. Москву ругаем — хорошо. А вот попробуй там поживи.

— Ладно, отдыхай. Завтра расскажешь.

Полина заруливала во двор, с трех сторон окруженный высокими старыми домами, в которых еще сохранились коммуналки, а кое-где уже устроились сытые люди, засвидетельствовавшие высокий статус белыми евроокнами.

У Жени была квартира в три окна, два из которых также подтверждали его выросшее благосостояние. Квартира была небольшой — две комнаты на последнем этаже, до которого возносился с кряхтением лифт с решетчатой дверью. Лифт напоминал о детстве, времени, когда Женя, прислушиваясь к лифту, ожидал возвращения из гостей отца с матерью.

Выйдя из душа, он застал Полину за не любимым ею занятием — она вытаскивала из дорожного чемодана его вещи.

Полина разобралась с его бельем, дотащила его до стиральной машины и отправилась в ванную мыть руки. Потом она подошла к Жене и положила ему ладони на плечи. Это тоже был ритуал. Когда она поступила так первый раз много лет тому назад, то он счел это за приглашение перейти в спальню. Но ошибся. Полине просто хотелось прислониться к нему. Остальное бывало потом. И не сразу. Полина давала ему уснуть, а потом мягко будила, прижимаясь своим длинным телом.

Женя провел рукой по ее животу.

— И что мы будем делать?

— Да уж сделаем что-нибудь.

Он сделал глоток из большой красной чашки. Потом отставил ее, подошел к полкам, вытащил стопку. Полина уже доставала из холодильника початую бутылку «Столичной». Пить водку после чая было не в его обычае. Но сейчас ему хотелось захмелеть, чтобы сказать Полине что-нибудь хорошее. Не к месту вспомнилась гостиничная девочка, которую пустил к себе в постель. Ей-богу, знал бы, что у Полины, сразу бы отправил барышню восвояси.

— За тебя. — Он сглотнул водку, неуместную после чая, но нужную, чтобы окончательно вернуться из поездки. — Ну ты даешь!

— Даю, даю.

Полина распрямилась во весь свой рост, и Женя оставил свой взгляд на ее острых грудях, которые она никогда не считала своим достоинством, но которые всегда привлекали внимание мужчин. Женя перевел глаза на тонкую, чуть изогнутую шею. Шея была гладкой, без мышц, без пятен. Она

плавно переходила в маленький округлый подбородок. Дальше начиналось лицо, которое Женя никогда внимательно не рассматривал.

Полина не дала ему сделать это и сейчас. Она подняла на мужа узкие серо-зеленые «типичные» глаза и отвернулась к окну.

Как-то приятели ему сказали, что Полина и Евгений — имена несоединимые, чуждые друг другу. Это не Саша + Наташа, Лена + Сережа.

Женя поместился в красное, потертое изнутри кресло, откинул назад голову и замер.

Он не собирался спать. Наступало самое драгоценное после возвращения время, когда он погружался в пустоту, удаляя от себя сразу все беспокойства, стряхивая с души грехи и давая ей, душе, побыть в одиночестве. Женя уже выстроил вокруг души забор, когда вновь позвонили.

— Тебя, — принесла трубку Полина, даже не сказав в нее «алло».

— Евгений, вы только что у нас были. — Голос был незнакомый, женский. — Евгений, помогите, пожалуйста. — Голос был просительным, настойчивым, но не жалобным.

Женя понял, кто это.

— Катя, что случилось?

Он знал, что случилось. Женщина Катя звонила, потому что больше некому было ей звонить. Ни в ее городишке, ни в ее стране.

Рядом стояла Полина и сосредоточенно глядела на мужа.

Женя хотел спросить ту женщину «что вы (или ты) хотите?». И тогда их разговор был бы закончен. Но он спросил:

— Что я могу сделать?

НЕУДАЧЛИВЫЙ СПАСАТЕЛЬ

«Буржуй» только что испачкал шариковой ручкой рукав белой рубашки и оттого был зол.

— Вот черт, угораздило с утра пораньше, — пожаловался он Жене. — «Паркер» называется. Такое же дерьмо, как наши старые. Садитесь. Что у вас там? Чего они мне звонят?

Женя выжидал, понимая, что Главный продолжит свою тираду и даст понять, из-за чего сыр-бор.

— Мне, собственно говоря, все равно, загремел «буржуй». — Но знать правду я должен. Да и потом, знаешь, сейчас не самое лучшее время сориться с клиентами.

Была у «буржуя» манера одновременно обращаться на «вы» и тыкать. Одним это не нравилось. Другим панибратство со стороны начальника льстило.

Главный использовал разноречие в обращении, чтобы сразу дать понять собеседнику связывающие их непростые отношения. Он был их со-

братом, частью их клана, но в клане этом стоял на ступеньку выше. Женя никогда не слышал, чтобы он пользовался словами и «ты», и «вы», разговаривая с теми, кого считал себе равным, или с теми, кто стоял на лестнице на две и более ступенек выше. В таких случаях он всегда делал точный выбор.

— Так кто звонил-то, Орест Тимофеевич?

— Так уж и важно, кто звонил, Женя.

— Орест Тимофеевич, что случилось?

— В общем, так, Женя. По имеющейся у меня информации, ты посетил с дружеским визитом логово террористов и имел с ними дружескую беседу. После твоего убийства один из них — не то Мухтар, не Мурад — был задержан правоохранительными органами, с шефом которых, допустим, я знаком лично.

— Это — Уран.

— Что Уран?

— Ураном его зовут.

— Мне все равно, как его зовут. Кстати, их министр — неплохой парень. Напрасно капать не будет. Что-то там у них не складывается. Он просит не писать, точнее писать можно, но знаешь, так как у всех принято.

— Орест Тимофеевич, я не понимаю.

— Ты понимаешь.

— Значит, так, я прошу. Я действительно прошу, а не запрещаю.

— Парень, которого они взяли, вообще блаженный. Он и мухи не обидит. У него девочку, целую невесту утащил к себе местный бабай. Уран сразу записался в мстители. Девочка мне сегодня звонила, прислала...

Женя осекся, почувствовав, что сболтнул лишнее.

— Какая девочка! Я тебе не о том толкую.

— Я понимаю, о чем вы говорите. Как скажете, Орест Тимофеевич. Но, ей-богу, противно.

«Буржуй» провел рукой по кармашку с золотой цепочкой.

— Хорошо, объясняю подробнее. Меня по-про-си-ли. По старой дружбе. И я, между прочим, ничего не обещал. Но после меня, скорее всего, позвонят Ножнику, а Ножик может нажать на меня, а я на тебя.

— Ах, Ножнику! А Ножик боится за свои тамошние шахты?

— Да, Аркадий Ефимович Ножевич в отличие от нас, — он подчеркнул «нас», — не любит обзаводиться на свою задницу лишними неприятностями.

— И тогда мы все ляжем под Ножика. Угораздило же человеку заполучить такую фамилию. Был бы Резаком, что ли.

Орест Тимофеевич взял Женю за пуговицу:

— Женя, мы кончаемся. Я тебе дам писать сейчас. Скоро меня не будет. Послушай, Женя. Я тебя прикрою. Потом Ножик тебя выгонит. Он хочет спокойно в этой Азии доить свои прииски.

Начальство говорило путано.

— Тебе сколько лет?

— Вы что, не знаете?

— Не помню. Я ж не по возрасту брал тебя тогда, десять лет назад.

— Сорок два.

— Мне пятьдесят девять. Ты мне не сын. Я тебе не отец.

Женя глядел на «буржуя» и соображал, что он всегда был для него не просто каменной стеной, но и зеркалом, в которое он гляделся. «Свет мой зеркальце, скажи...» Зеркальце говорило и договорилось.

— Слушайте, Евгений. Делайте что хотите. Кроме меня есть другие газеты. Но хочу вас предупредить. Вас уже однажды стукнули молотком в подъезде.

Да, его однажды ночью ударили деревянной киянкой в подъезде. Не очень сильно. Но он потерял сознание. Пока лежал, на него помочились. Тогда, открыв дверь в квартиру, Женя вытолкал Полину в дальнюю комнату и приказал не выходить в коридор. Потом разделся, вышел в одних трусах на улицу — был январь — и затолкал грязную одежду в серый мусорный контейнер.

— Не забыл, да? Стукнут ведь еще. Бросил бы это все... Не соединяй пять минут ни с кем, — приказал он секретарше. В кабинете он усадил Женю в кресло напротив себя, подошел к стеллажу, вынул старую, еще советскую бутылку узбекского коньяку и налил сразу по полстакана.

Они молча выпили. «Буржуй» досадливо потрогал пятно на рубашке.

Выйдя из кабинета, Женя пошел длинным, ремонтировавшимся вот уже десяток лет редакционным коридором с плохо закрывающимися дверями, с порванным линолеумом и свисавшими с потолка белыми больничными лампами. Коридор был убогим, но никто никогда не обращал на это внимания. За его стенами делалась великая газета.

Женя выбрался из редакции и медленно пошел по короткой улице с низкими, отутюженными домами. Дома были недавно отреставрированы, и им надлежало радовать глаза прохожих голубым и зеленым цветом. Через всю улицу висела реклама, в центре которой маячило худосочное женское лицо.

Надо помочь этой Кате. Почему? Женя хмыкнул. Своих забот мало. Хотя неудобно. А что неудобно? Ах да, обещал.

Очевидно, Урана взяли, чтобы припугнуть. Может, и не ради самого Урана, сколько для профилактики все это затеяно. Взяли после встречи с Женей. Ему сигнал — нечего соваться. Дескать, пиши что угодно, а мы будем делать что угодно.

Умный министр многое решает. Но звонить ему — без толку. Он сощурится и еще больше захочет показать, кто в лавке хозяин.

Но ведь кто-то может попросить и его самого.

Женя стал перебирать фамилии высокопоставленных знакомых, слово которых могло что-нибудь значить. Их круг был велик, и, пожалуй, их помощники соединили бы Евгения Чингизовича со своими шефами. И, наверно, некоторые из них согласились бы использовать свой авторитет и блеснуть влиятельностью. Посол, замминистра, еще один зам, бывший министр, советник, бывший прокурор, классик современной литературы. Целых два премьера, тоже бывших.

Но каждому придется втолковывать ситуацию, пояснять, чего от него требуется. Они будут переспрашивать, вникать. Да и встреча с любым из них будет назначена на «в течение недели».

Женя присел на пыльную лавочку, вытащил из кожаного, совсем уж не журналистского портфеля записную книжку и наугад раскрыл. Попал на «ц».

Ципин! Боже мой, Валерка Ципин, в девичестве Коган, однокурсник, забуревший в последние три года настолько, что стал настоящим миллионером.

Месяц тому назад они виделись на немецком приеме. В углу зала Валерка изрек: «Мы все, старик, друг другу не нужны. Вот я тебе не нужен?» — «Не», — мотнул нетрезвой головой Женя. «То-то. Но помни, если буду нужен — звони».

Когда люди говорят такие слова, то они врут. Но не таков Ципин-Коган. С молодых студенческих ногтей он помнил и выполнял свои все, даже очень пьяные и невыгодные обещания. Однажды он пообещал кому-то привезти из Венгрии две мишленовские покрывалки. И привез. Было это в 1986 году.

Валерка должен был знать того министра. Наверняка имел с ним дело. Какой может в этом ...стане иностранный капитал без дружбы с местным МВД.

Валерка оставил ему свой мобильный. Выбрав «Валера», Женя нажал на клавишу и услышал:

— Ну я. Это кто?

— А это я, — в тон ответил Женя.

Ципин-Коган узнал его сразу.

— Старик, помочь можешь? — Женя никогда и никого не называл стариком, но в душе сберег это словцо.

— Вообще нет, а тебе — да. Если коротко, говори сейчас. Если много... — Он задумался секунды на три, отыскивал паузу в ежедневнике. — Заходи послезавтра сразу после одиннадцати.

— Надо мне... — теперь задумался Женя, — в принципе мало, но быстро. Не по телефону. А зайти — сегодня.

— Понял. Речь о жизни и смерти.

— Точно. Именно о них.

— Тогда заходи.

Ципин-Коган превратил свой офисный кабинет в, по его собственному выражению, «приют художника и поэта». Поэтом он никогда не был, но пейзажики рисовать любил. Его рабочее жилище украшали две яркие — одна большая, одна маленькая — картины парусников. В углу стоял полугруглый стол, от которого двумя радиусами шли тяжелые полки с книгами и папками. У стола два кресла. Между ними узенький столик. Рядом с дверью располагался телевизор и торчала толстозадая индийская ваза.

Самому Валерке предназначался круглый стул с зеленой обивкой.

Валерка из воздуха достал бутылку коньяка и снял с полки плитку шоколада. Разливая, он посмотрел на телевизор с Пугачевой и, вздохнув, сказал:

— Не умеют наши красиво стареть. Так чем могу быть полезен?

— Видишь ли... — разбежался Женя.

— Конкретнее, — сановито оборвал его бизнесмен.

— Надо вытащить из милиции одного глупого парня. Но не из нашей милиции, из азиатской. Посадил его... — Он назвал имя Умного министра. — Причем посадил, с одной стороны, за дело. А с другой, дела этого он не совершал.

— Значит, пришел в старому жиду просить за исламского фундаменталиста. Большой вы, батенька, оригинал.

— Валер, я тебя ни о чем не прошу. Я на тебя надеюсь.

— Для справки, Женя. Тамошние засранцы хотят меня оттуда выжать, считают, что я им дал мало. Откат, понимаешь, невелик. Я теперь с ними должен в дипломатию играть. Так что мне за твоего клиента просить не самое лучшее время. Но... Этот твой, как его?

— Уран.

— Мужик порядочный или какой-нибудь уголовник, наркодил?

— Да нет. Борец за справедливость. Исламский коммунист. Да у него еще и невесту отобрали.

— Трахнули?

— Девчонка русская пошла к одному баю, чтобы денжат подсобрать да потом деру дать.

— Да я, мил человек, главный защитник этого русскоязычного населения. У меня на фабричке половина, так сказать, труженников — русские. Девчонку-то видел?

Ципин-Коган попал в точку.

— Видел.

— А... — Ципин уставился на телефон. — А что мы скажем бывшему выпускнику юрфака МГУ с чистыми руками и горячим сердцем? Об этом ты, защитник ваххабитов, подумал?

— Давай подумаем.

— Эх ты, газетчик. — Ципин-Коган разлил по третьей. Он уже увлекся легкомысленной, азартной Жениной затеей. — Я думал, у тебя уже и заготовка есть.

— Ни черта у меня нет. Одна головная боль.

— Евгений Чингизович, давай его выкупим.

— ?

— Видишь ли, они мне все еще должны знную сумищу. Но при расчете я и выставлю твоего Юпитера.

— Урана. Но решать-то министру.

— Он у них в доле. Милый такой, образованный, но в доле.

— Ладно. Пока мы с... — он назвал имя министра, — так сказать, кореша, можно попробовать.

Ципин раскрыл неестественной толщины телефонный справочник, с ловкостью жонглера открыл нужную страницу и, сверяясь с записью, набрал длинный номер телефона.

Взаимные приветствия длились минут пять. Казалось, Ципин позвонил за четыре тысячи километров только для того, чтобы узнать о здоровье семьи, о погоде, о том, что за новый конь появился у премьера. Валерка уже перешел к обряду прощания. И вдруг, оборвав его на полуслове, сказал:

— Да, у меня маленькая личная просьба. Там в вашем распоряжении оказался человек. Зовут Уран. Фамилию назвать?

Судя по всему, фамилии не потребовалось. Зато по Валеркиному лицу расплылось искреннее изумление.

— Кому, вы говорите, передать привет? Евгению Чингизовичу?

Женя приподнялся с кресла.

— Нет, его здесь нет. Но я ему передам. Так и сказать? Хорошо.

Ципин повесил трубку и веселыми глазами посмотрел на Женю.

— Вам, Евгений Чингизович, просили передать, что ваш Уран сегодня ночью сбежал из-под стражи. Объявлен розыск, между прочим.

В ОЖИДАНИИ БЕГЛЕЦА

Такого оборота Женя не ожидал. Валерка разливал по новой рюмке.

— Ну? — спросил он приятеля. — Как тебе наш министр? Как узнал, что ты у меня сидишь! Что значит профессионал. Молодец мужик. А ты о чем задумался, детина?

— Он-то профессионал. А вот я лопух. Этот Уран и в самом деле... будь здоров.

— Идиот, — продолжил Валерка. — Случай по своей глупости уникален. Ведь министр сейчас набросит мне лишний десяток тысяч, заметь, баксов. И знаешь почему? Потому, что если б твой охломон не сбежал, то

он бы и сам его отпустил по моей, по нашей с тобой, просьбе. Для себя, так сказать, в душе он эту просьбу выполнил. Так что делать с твоим бегуном?

Вопрос предстал перед Женей во всей своей нелепости. История ждала продолжения. А продолжением могло стать только появление Урана здесь, в Москве. Ципин-Коган соображал быстрее Жени.

— Что ты собираешься делать? Давай еще раз позвоним министру и скажем, что, как только клиент появится, мы его тут же уведомим. Тогда уже министр будет нам должен.

Ципин-Когана увлекала эта посторонняя для него история.

— Министру я могу позвонить еще раз.

— Спасибо тебе, Валера. Ты не поступился принципами.

...Опьянение наступило, когда он добрался до дома. Он почувствовал себя крошечным идиотом. Он влез не в свое дело.

Полина сидела на кухне и перебирала гречневую крупу. Она вынимала гречку из мешка, рассыпала ее по блюдечку и ногтями откидывала шелуху и шарики.

— Жень, так мне ехать?

— Ты же хочешь. Ты сама просила.

— Тебе все равно? Тебе опять женщина звонила. Так тебе все равно?

— Мне не все равно. Но решения о себе ты всегда принимаешь сама. Кто мне звонил?

— Незнакомый голос. Не назвалась.

Катя. Он должен был начинать что-то делать или хотя бы думать о том, что делать что-то надо.

— Не надо тебе никуда ехать. Оставайся со мной.

— Я все-таки поеду. На чуть-чуть. До Моздока военным бортом. А там меня подстрахуют. Знакомых много. Валька вон летит Золотарев. Он не оставит в случае чего.

— Во-первых, «в случае чего» не может быть. А во-вторых, ты что, не знаешь, что Валька такой авантюрист, каких свет не видывал?

— Он же не бросит.

— Он не бросит. Зато потащит черт-те куда.

— Женя, что ты меня все время пугаешь?

— Полина, не надо ехать.

Женя понял, что они начинают прощаться.

— Женя, эта женщина красивая?

Он вздрогнул.

— Ведь ты же для нее стараешься.

«Господи, — подумал Женя, — ну откуда могла знать эта забеременевшая верста про Катю?»

— Мужчины всегда влюбляются в женщин, в которых могут и не влюбляться.

— Ты что ж, думаешь, что я влюбился?

— Скорее всего нет. Но можешь.

Лучшего ответа она дать не могла.

— Поля, ты ведь мне жена. У нас печати в паспортах. А говоришь спокойно такие вещи.

— Это мы говорим спокойно такие вещи. Мы ведь друзья. Хотя и супруги.

— Супруги, — повторил Женя, словно реплику в спектакле. — Супруги.

— Ты в самом деле тревожишься из-за своего Урана?

— Я тревожусь из-за себя.

Полина встала и широко, необаятельно зевнула. Поверяться зевающей женщине нелепо.

...Утром он проснулся позже Полины. Ее половина кровати была пуста. В коридоре стояла большая кожаная сумка. Полина сидела на стуле и шнуровала высокие, с толстым рантом ботинки. Женя считал, что такие ботинки уродуют не только ногу, но и душу женщины. Полине их продала подруга, юркая дамочка с полукруглыми усиками. Дамочке ботинки доходили почти до колен. Полина же походила в них на беспризорника из «Путевки в жизнь».

— Так ты сегодня?

— Да, — удивилась Полина. — Я же говорила.

За окном загудела машина. Женя выглянул и увидел Вальку Золотарева, стоявшего возле «Волги» и с упоением давившего на клаксон.

Полина подняла свою тяжелую сумку. Она посмотрела в глаза Жени, хмыкнула и обняла его. Они вышли на улицу.

Поднимаясь к лифту, Женя заглянул в почтовый ящик. В нем лежал заклеенный конверт без обратного адреса. Женя донес конверт нераспечатанным до квартиры. В письме мелкими печатными буквами было нарисовано: «Ваш знакомый едет к вам».

Женя включил телевизор. Телевизор по утрам наводит тоску. Дергающийся экран походит на унылое похмелье, когда горько во рту и в голове звучат обрывки вчерашних разговоров.

Но он все-таки уселся напротив телевизора. В конце концов, надо знать новости, а какая разница, откуда они — из Интернета или из «ящика». Сосредоточенно слушал малознакомого ведущего, которого, скорее всего, никогда не пустят читать в прайм-тайм из-за слишком доброго лица. Вдруг мелькнули виды Б. Ведущий обратился к сидевшему там спецкору, который принялся громко рассказывать о задержании в республике группы террористов, намеревавшихся... На этом месте голос корреспондента пропал, и никто так и не узнал, что намеревались террористы. В телевизоре проявилось лицо Умного министра, который произнес несколько зау-

рядных фраз о стабильности и завершил свое сорокасекундное тренканье уверенностью, что ситуация находится под контролем.

Последняя фраза была обращена прямо к Жене: министр обращался именно к нему.

Женя прошел на кухню и испил вчерашнего сладкого чая. Он отныне окончательно становился сообщником террористов. Втягивать в это дело бизнесмена Ципина-Когана Женя не имел никакого права.

Женя набрал Валеркин номер.

— Ага, знаю, знаю, — раздался веселый голос.

— Как ты догадался, что это я?

— А кто ж еще мог в такую рань звонить, чтобы поговорить о терроризме. Чего молчишь?

— Что говорить. Все мои просьбы отменяются.

— Почто?

— Потому, что каждый пойдет своим путем. Мы своих не подставляем.

Ципин-Коган не задумался даже на секунду:

— Старик, честно сказать, мне все это очень не нравится. К тому же я не всесилен. Но пока могу и пока мне никто не погрозит пальцем или кулаком, я иду в твоём фарватере.

Прохрипел домофон.

Женя снял трубку.

— Лифтер это. Вы нам не откроете?

— Открою милый, как еще открою. Заходи, чини.

Потом зазвонил уже дверной звонок. Женя открыл железную дверь квартиры, потом на лестничную клетку.

Возле лифта в тугой юбке стояла Катя.

КАТЕРИНА

Если бы сейчас вместо Кати здесь оказался Уран, у Жени было заготовлено вместо «здрасьте» — «зачем» или «ты не прав».

Кате сказать было нечего. На Катином лице было то же самое выражение, с которым она уходила из дома Аскара.

Женя посторонился, пропуская ее. Катя вошла в квартиру и остановилась. Заряд энергии, вытолкнувший ее из дому и перенесший сюда, иссяк.

— Вот я и прилетела.

— Вижу.

— Что будем делать?

Так можно спрашивать от отчаяния. Но можно и потому, что чувствуешь, что между тобой и собеседником есть связь, которая прочнее, чем кажется.

— Что-то будем...

— Он здесь, — сказала Катя. — Или скоро будет. Я сейчас посижу и уйду. Я понимаю, что мне здесь нечего делать. Но он пришел, сказал, что сбежал, что...

— Сидите, Катя, сидите. — Женя сделал шаг вперед, и до него долетел запах пота.

Катя усмехнулась:

— В душ пустите?

— Конечно, конечно. Вам же надо с дороги.

— А если жена застанет?

— Во-первых, ее сегодня нет. А во-вторых, что она застанет?

Катя легко поднялась, раскрыла сумку.

— Туда и налево первая дверь, — подсказал Женя. — Я вам дам полотенце.

Он обогнал Катю и первым вошел в ванную.

— Это мое полотенце, берите.

Женя отправился на кухню, бросил в кастрюльку макароны и стал шарить в холодильнике. Когда он вернулся в комнату, то вдруг поразился тому, сколько у него книг, набросанных повсюду журналов и пепельниц. Жене не понравилась его комната.

Катя уже выходила из ванной, завернула на кухню, и стало слышно, как она что-то ставит на стол. Она поняла, что жены не просто нет, но и не будет.

— Жена, Полина, в командировке.

Женя смотрел на широкие ступни Катиных ног.

— Тапочки?

— Если есть. — Она пошевелила пальцами.

Тапочки Полины оказались велики, зато узки.

— Разговор отложим на после ужина?

— Да, потом поговорим.

Катя встала и опять отправилась в ванную. Когда вернулась, то на ней были колготки с дырочкой под коленкой.

Потом они ели макароны с помидорами и колбасой.

Катя ела много, от этого ей было стыдно. Но Женя смотрел на нее с умилением.

— Он точно здесь?

— Не знаю. Но будет обязательно.

— И придет сюда? Откуда у него адрес?

Катя промолчала.

— Откуда у вас мой адрес? От Карыбека?

— Вы только не бойтесь. Он просто придет. И все. Потом мы уйдем.

— Куда? На улицу? Его возьмут. А вы куда?

— Устроюсь на работу.

— Кем?

— Я согласна на любую. Какая разница. Я по-всякому работала.

Она загоняла Женю в угол. Он понял: она приехала в Москву насовсем. История с Ураном была предлогом. Его спасти не удастся, теперь она спасала себя. Она шла на штурм. Женина квартира была ее первым плацдармом.

— Будем сидеть и ждать. Но мне сейчас надо идти. Так что жди одна. Дверь никому не открывать.

Он вышел. Идти было некуда идти и незачем. С какой стати уходить? Да и что он знает об оставленной Кате? Вдруг девушка поменяет планы и уйдет?

Он шел по улице, думая, как станет объяснять Кате свое скорое возвращение.

У Жени развязался шнурок на ботинке. Он присел, попытался вслепую нащупать шнурок — не получилось. Тогда он опустил голову, взял в руки короткие концы шнурка и принялся натуго их завязывать. С трудом завязал и обрадовался: сделано еще одно полезное дело.

Что он хотел? Ах да, вернуться. Деваться все равно некуда. Он повернулся и пошел обратно, то ускоряя, то замедляя шаг.

Что и как сказать Кате. Вытурить ее сразу? Дать переночевать еще одну ночь? Уран придет не скоро. Возможно, он встретится с Катей до визита к нему. Женя еще раз прорепетировал про себя свою речь, которую надлежало произнести не допускаящим возражения голосом. Прислушался к этому голосу и с удовлетворением убедился в его внушительности.

Он подошел к подъезду, поморщился, обнаружив возле него насупленного ханьгу, и открыл дверь. В подъезде было темно даже днем. Последние предквартирные шаги Женя проходил, сравнивая себя с выходящим на сцену чтецом.

Послышался шорох спиной. Потом — его ударили по голове.

ПОСЛЕ ТОГО, КАК УДАРИЛИ

Ударили не сильно. Убивать не хотели. Били чем-то очень твердым.

Очнулся Женя на своей кровати, рядом сидела Катя, держа в руках холодное полотенце. Женя пошевелился, и в голове запрыгало, заметаюсь, словно пыталось вырваться наружу.

— Милицию вызвать? Или «скорую»?

Женя слышал ее голос, но не понял, чего она хочет. Глаза закрылись. Он ощутил на голове холод.

— Что было? — спросил он.

— Я увидела в окно, как вы подходите. Потом вы вошли в подъезд, а из подъезда кто-то вышел. Вы не приходили. Я пошла вниз, а дверь толь-

ко прикрыла. Вы лежали на полу. Как раз кто-то вошел, я попросила помочь, и мы вдвоем вас донесли. Это был ваш сосед.

— А...

— В карман вам сунули бумажку. «Привет из Б.».

— Бумажку, — повторил Женя. — Я хочу сесть.

— Лежите, так лучше.

— Что у меня на голове?

— Шишка большая и царапина, тоже большая и длинная. Они, по моему, промахнулись.

— Они? Там же был один.

— Да, но это не хулиган.

— Да, конечно, это «Привет из Б.»

Они в самом деле промахнулись. Они не проломили череп, не отбили память: Женя хорошо помнил, зачем он возвращался домой, что хотел объяснить.

На Катином лице не было ни сочувствия, ни радости. Наверно, она точно так же дотащила бы случайного пьяницу, если бы знала куда. Она перестала его стесняться, сидела в кресле, юбка у нее задралась. Женя перестал быть хозяином в своем доме.

К тому же у Кати появился повод не спрашивать, надо ли ей уходить: она выхаживала раненого.

— Сходить купить вам что-нибудь? Еду какую-нибудь? Сидите! Где взять денежки?

«Лучше уйди сама. Уйди. — Он этого не сказал. — Боже мой, почему мысли не передаются на расстоянии? Нет, наверняка передаются. Она все видит. Но не хочет».

— И купи себе колготки. Эти совсем порвались.

«Что ты несешь? Но ведь ее колготки совсем порвались из-за тебя».

— Спасибо.

— Иди. Я закрою.

Он встал, подошел к окну и посмотрел, как Катя выходит их подъезда. Женя добрал до шкафа, вытащил черную пижаму и напялил ее на себя. В этой пижаме он походил на участника бала трубочистов. Пижаму ему купила год назад Полина, и он пошутил, попросив его похоронить в ней. Полина обиделась. Женя никогда черную пижаму больше не надевал. Зазвонил телефон.

— Привет, Чингизыч, — сказал Ципин-Коган. — Поплачем?

— Уже плачу. — Женя почувствовал, что со вчерашнего дня кое-что переменялось.

— Слушай. Мне принесли почту. Разбираю ее, а там к одному письму прицеплено с надписью «Привет из Б» и череп пририсован. Публика работает в стиле Бармалея.

— У меня такая же. Только без черепа, хотя по моему черепу ударили.

— Да ну?

— Я сам тебе звонить собирался. Знаешь что, ты меня не видел, я тебя не знаю.

Наступила пауза. Валерка, видимо, звонил, чтобы сказать то же самое, но Женя его опередил. Но Ципин-Коган экивоков не выносил.

— Я тебя понял. Значит, ты меня тоже. Держат нас, Женечка, за шиворот держат. Стыдно-то как. Тебе страшно?

— Мне глупо. — Жене показалось, что он очень точно определил свое состояние.

— Не вышло так не вышло, в следующий раз получится.

— Ой, вряд ли, товарищ Ципин, получится. Вот у них будет получаться. Пока, — и он опустил трубку.

Вернулась Катя. Она принесла картошку, помидоры, масло, курицу. Она запомнила, чего нет в холодильнике, а судя по курице, собиралась не спеша заняться готовкой.

— Вам лучше лечь. Приложить к голове холодненького?

— Катя, за тобой никто не шел?

— Зачем за мной идти. Все и так знают, где я. Вас об этом тоже предупредили.

— Ты ждешь своего Урана. Он придет, его... не знаю... его возьмут.

— Уран осторожный.

— Уран-то ваш ко мне идет. В мой дом, куда вы уже пришли.

Она отправилась на кухню, и Женя услышал, как мягко хлопнула дверь холодильника.

Когда мужчина и женщина остаются вдвоем, возникает двусмысленность. Как будто он обязан... «Обязан» — вот уже неуместно звучит. А ведь если он к ней подойдет, она не откажет. Точно не откажет. Ей просто необходима разрядка. Да и точно помнит она, как Женя на нее тогда смотрел.

Но он не будет. Не будет потому, что тогда сломается ситуация, из которой все-таки можно найти выход, и возникнет совсем другая.

Кстати, Полина эту Катю точно бы не спровадила. И простыню дала бы, какую-нибудь ночную рубашку. Нет, он Полине обязательно все расскажет, ибо не грешил даже в мыслях.

А то «в лечебных целях», понимаешь ли...

Вошла Катя, заглянула через плечо.

— Перекусим? И ляжем. Я — здесь. На полу. Можно?

— Спи где хочешь.

Есть не хотелось, но горячий чай пришелся кстати.

Потом Женя достал из шкафа розовую в цветочках простыню, положил на диван большую подушку, принес плед, предназначенный для залетных гостей.

Катя мыла посуду, потом стелила себе простыню, заходила в ванную, расстегивала и застегивала свою сумку. От нее шел особый женский шум, к которому приятно и спокойно прислушиваться. Катя раздевалась, и ему захотелось посмотреть, как она это делает.

Потом наступила тишина. Потом послышался прерывистый горловой звук. Катя храпела.

РАССТАВАНИЕ

Утром Катя сидела, перебирала свои вещи и складывала их в сумку.

— Вот, ухожу.

— Как это уходишь?

— Вас вот дожидалась, чтобы уйти. Все.

— Что все? Что еще случилось?

— Ничего не случилось. Просто я у вас здесь больше не нужна. И вы тоже больше не нужны.

— Постой. Что случилось?

— Теперь неважно. Я и так вам надоела, Женя.

— Да нет, не надоела. Просто странно получилось. Скажи, что произошло. Может, я помогу?

— Не можете. — Она опустила на стул. — Этот дурак считал, что вы... его защитите. Мы с ним после вашего уезда от нас и поговорить не успели. Я ему хотела объяснить. Он когда убежал из тюрьмы... Да его никто и не стерег. К нему как ребенку отнесли. Он дверь открыл, вышел и ушел. Верите?

Женя верил. Он знал, что жестокость тамошней тюрьмы может сочетаться с невысказанной расхлябанностью. Что из нее можно не сбежать, а именно уйти.

— Я — умная. Я сразу вижу, что вы ничего не можете. Вы мне понравились.

— Что случилось, Катя? — Он взял ее за плечи.

— Он попался. Попросился к каким-то дальним родственникам. За ним, наверно, следили. Вообще не могу представить, как ему дали улететь, сесть в самолет. В общем, поел, а эти пришли. Милиция ваша вместе с нашими, которые оттуда. Прямо из душа вытащили голого. Потом увели. Ему родственник одежду дал чистую. А грязную мне вернули.

— Кто принес? Сюда? Его одежду?

— Вон валяется. — Она кивнула головой: возле двери валялся целлофановый пакет, из которого вывалились на пол неестественно длинные рукава клетчатой рубашки. — Не стирать же это. Выбросите, Женя.

— Выброшу. Никуда ты не пойдешь. Я тебе принесу валерьянки, выпьешь, успокоишься.

Женя притронулся к не к месту заболевшей голове, вернулся к двери, снял ботинки и в одних носках прошел на кухню за валерьянкой. Он открыл полку и принялся перебирать содержимое большой глубокой миски, в которую Полина сваливала все снадобья.

— Голова болит? — спросила Катя.

— Да нет.

— Болит, я знаю. Зачем я вообще приехала! Знаете, я его не люблю. Когда-то думала, что люблю. Потом перестала. А он меня любил и воспитывал. Вы ведь знаете, как я там жила?

— Знаю.

— Я даже не рвалась оттуда. И в чудеса не верила. А тут вдруг, когда все случилось, меня как вытолкнуло. Куда угодно, лишь бы не там на всю жизнь. Хотя я вам это уже говорила.

Катя поднялась, подошла к нему, аккуратно раздвинула короткие волосы на его голове. Потом присела на корточки и прижалась к его коленям.

— Не бойтесь.

— Я не боюсь. — Женя не обманывал. Он действительно не боялся этой женщины.

— Не будем.

— Вижу, что не будем. Но знаешь, — она перешла на ты, — мне так приятно быть возле тебя. Я не могу этого объяснить.

— И не надо.

— А теперь послушайте, Женя. Я сейчас встану и уйду. Но у меня к вам просьба. Думайте что хотите. Хоть прокляните...

Она взяла в руки сумку и вытащила со дна ее завернутое в цветную тряпку странное сооружение, которое Женя сразу определил и сразу охнул. Это был примитивно, по-кухонному собранный агрегат, именуемый «поясом шахидов», четыре рассованных по кармашкам столбика. Женя присвистнул.

— Бойтесь?

— Ни к чему это.

— Спасибо, что не спрашиваете откуда.

— А если сейчас войдут?

— Это мое, Женя. Я всем скажу, что это мое. А заверну вот в эту рубашку. Скажите, что вот принесла такая-то. Катя, скажите. Фамилия нужна?

— Нет.

— Сразу не выбросите?

— Нет.

— Впрочем, как хотите, если надо, закиньте в реку.

— Зачем тебе это, Катя?

— Вы думаете, это от Урана? Нет, Женя, это мое. Вы спрашиваете зачем? А затем, что противно. И дальше будет противно. Я сильная. Но что толку от силы в этом омуте? Что в Москве, что у нас. Как я эту штуку добыла? Украла. У кого — не скажу. Но знаешь, мне с ней проще. Я себя легче чувствую. И не читай мне мораль. Ты все хорошо понял. Я не буду никого убивать. Я терпеливая. Но я знаю, что смогу. Я к вам еще зайду. Перед женой вашей мы честны. Человек вы хороший. Отдыхайте.
Она подошла к Жене, обняла его и закрыла за собой дверь.

ПОЛИНА

Телефон звонил несколько раз. В 10 утра Женя снял трубку.

— Евгений Чингизович?

Женя удивился. В столь ранний час к журналистам не обращаются по отчету.

— Я по поводу... вашей супруги. Мы вам никак не можем дозвониться. Приезжайте, пожалуйста.

— Что там еще? Что она натворила?

— Женя, — послышался другой голос, трубку явно вырвали из рук. — Я сам к тебе сейчас приеду. Будь дома. — Женя узнал голос Золотарева. Трубку повесили.

Валентин появился через сорок минут. С ним был немолодой оператор с короткими волосатыми руками, лежавшими по обеим сторонам живота.

— Это Константин, — представил Валя.

Женя тотчас все сообразил.

— Садитесь, рассказывайте.

— Что рассказывать? — глупо спросил Валентин. Его спутник только махнул рукой. — Да ты вроде знаешь, что ли?

— Что я знаю?

— Ну, все...

— Ребята, я, в общем, догадываюсь. Что с ней? Она жива?

— Нет, — твердо сказал Валентин. — Да сам ты дурак, что отпустил ее.

— Давайте по порядку. Валь, вот сели вы в самолет...

— Поля всю дорогу до самолета болтала со мной, все удивлялась, почему ты отпустил ее.

— Она беременна.

— Неужели?

— Теперь уже без разницы.

— Она говорила, что все летевшие с нами пассажиры такие скучные.

Прилетели. Утром встали, поехали. Она — на «семерке», а зади — я с камерой. Туннель проехали. Мой шофер подотстал в туннеле. А они

выскочили на площадь, на эту их «часовую», по кругу поехали, и тут рвануло. Ничего не осталось

— Где сейчас... Полина где?

— Везут. Завтра, скорее всего, привезут.

— Скажите, как мне это встретить?

— Вот тебе телефон, позвони, спроси капитана Мошкина. Назови фамилию. Транспорт они просят свой. Я позвоню.

— До завтра, Женя. Если что — я на связи. Всем уже известно, все будут помогать.

— Уходите, мужики.

Гибель Полины не заслонила другие проблемы. Была у него черта — приспособливаться к обстоятельствам. Подстраиваться к ним. «Завтра надо заняться похоронами. Позвоню капитану Мошкину. Вот интересно, что они сделают с Ураном? Надо выкинуть “агрегат”. Зачем он мне!»

Женя развернул пакет, вынул оттуда предмет, который был лишним в его квартире.. Женя пристроил «пояс шахидов» к брючному ремню и вынул из пакета еще один маленький темный предмет. «А вот этим все хозяйство пускают в ход. Идешь и в любую минуту можешь грохнуть».

Наверно он бы подошел к Полине, к ее длинной юбке. Полина наверняка бы его примерила. Женя представил жену в шахидском прикиде.

Надо было ехать и там на проходной ждать, когда аукнется капитан Мошкин. Надо обзвонить всех-всех. А еще не отпускать Катю, плюнуть и попробовать найти ее Урана. А еще хорошо бы дать по морде Семену, просто так, взять и дать по морде. Сколько всего нужно...

Сидела бы она сейчас да перебирала крупу...

Он представил себе подлетающий к Москве самолет, внутри которого в ящике лежала Полина. Как бредет по улице неприкаянная, плюнувшая на свою судьбу Катя.

А старые вещи все вон. Кому они нужны старые вещи. Да еще урановское старье. Вон! Никого не пускать, ни о чем не думать. И штуку эту тоже вон. Выкинуть, только отъехать подальше.

ТЕРРОРИСТ

Женя начал собираться. Хотя, собственно, собирать было нечего. Вытащил из шкафа белую в зеленую полоску рубашку, надел ее, всунулся в светлый пиджак. Пиджак был мал и прилично выглядел, только когда был растегнут.

Затем полез в письменный стол, вынул бумажник, раскрыл и пересчитал деньги. Вышло четыре с половиной тысячи. Женя вновь запустил руку

в ящик, нащупал пачечку рублей, отсчитал полтора десятка тысяч — результат Полининого режима экономии, — сунул деньги во внутренний карман.

Достал причину своего похода — мешок с вещами Урана. Из мешка вывалился грязный, с пятнами, воротник рубашки. Он брезгливо затолкал обратно тряпье, достал еще один пластиковый пакет и засунул пакет в пакет.

Оставалась шахидская «принадлежность». Женя повертел в руках агрегат и попробовал засунуть его в тот же мешок. Не получилось. Можно было тащить пояс в отдельном пакете, но так неудобно. Он усмехнулся, прикрепил его к поясу, сунул в карман приводящий его в действие дешевый мобильник.

Все было очень просто. Доехать до соседней станции метро, где стояла вечная из четырех баков помойка. Выбросить и вернуться обратно.

Возле тяжелых дверей метро Женю окликнули:

— Молодой человек!

— Это мне? — откликнулся Женя, к которому никогда в жизни не обращалась на улице милиция. — Это ко мне?

Его подзывал лет на десять моложе его скуластый милиционер. Парень, видно, ошибся и со спины принял Женю, бог ведает почему, за лицо «немосковской национальности». Теперь он немного растерялся.

Женя поманил его пальцем.

— Что тебе?

— Мне, — обиделся сержант, решивший довести до конца начатое дело. — Пожалуйста, — это слово он подчеркнул, — ваши документы.

— Чьи?

— Ваши. — Милиционер все еще не решался быть строгим.

— Сначала ваши, — рептически произнес Женя. — Мало ли кем вы можете быть.

Сержант оглянулся по сторонам. Коллег не было. Он оставался один на один с наглым прохожим.

— Я жду. — Прохожий переходил в наступление.

Милиционер молчал. И Женя обрушил на него все свое хамство, которым он никогда не пользовался, но о существовании которого внутри себя он давно подозревал. Он орал, пугая окружающих, и наступал на обалдевшего мента. Наконец харкнул и пошел дальше.

Только войдя в вагон, Женя вспомнил о прикрепленном к нему «поясе шахида». Если бы сейчас он попался, то дальнейшая его биография не стоила бы и копейки.

Женя скользнул взглядом по лицам пассажиров. Что бы было, знай все эти, которые вокруг Жени, что он нацепил на себя? По шее дадут. Вот тот мужичок с фиолетовой татуировкой на пальцах.

Женя локтем нащупал груз под пиджаком.

Интересно, кого обвинят после взрыва?

Даже Ципин-Коган не догадается. Хотя кто его знает, есть у Валерки чутье. А мужик с татуировкой в меня прямо вцепился. Смотри, смотри, козел. Здорово вот так проехаться по этому городу, только чтоб в любую секунду можно было чик — и готово. Не понравились мне, которые со мной едут, и — чик... Или сам я себе не понравился, и — чик...

Нежный голос объявил его станцию. Женя еще раз оглянулся и стремительно вышел. Они должны быть ему благодарны. Хотя бы за то, что он разделался с ними только в мыслях. Женя обернулся и помахал рукой уходящему поезду. Поднялся по эскалатору, увидев сразу трех милиционеров, подумал обойти их стороной, но потом прошел сквозь расступившихся стражей порядка.

Подойдя к хлипкому, зато бетонному забору, за которым угадывалась строительная свалка, по-мальчишески раскрутил пакет с чужой одеждой и, не глядя, метнул его за ограждение.

Следовало избавиться и от главного искушения. Но делать это здесь среди бела дня рискованно. Лучше подождать или выбрать где-нибудь другое, более укромное место.

Женя вернулся в метро, погрузился в поезд и поехал наугад.

Он широко сидел на свободном месте и думал обо всем, что с ним случилось и продолжало случаться. К ногам подкатилась блестящая банка из-под пива, мягко толкнулась о ботинок и понеслась дальше по вагону. Банка прилипла к дверям. Двери разъехались, и она застряла между ними и платформой.

Женя поднялся, поддел банку ногой и вышел из вагона.

Отделаться-то от «агрегата» будет сложно. Не кидать же это в урну. Кто-то может и подобрать.

В конце концов, это было не его вещью. Оно принадлежало другим людям, и они несли за него ответственность. Сдать это он не мог, потому что тогда надо объяснять, как оно попало к нему.

Как знать, не пригодится ли это когда-нибудь ему самому? Теперь это было его силой, уравнивавшей его со злом остального мира.

На базаре возле станции метро в чистенькой стеклянной лавке Женя, не спрашивая цену, купил коробку с ботинками.

Вернувшись домой, он раскрыл коробку, выкинул в помойное ведро желтые летние мокасины, положил в нее «пояс» и аккуратно перевязал коробку веревочкой.

Алексей Малашенко

Просто террорист

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *Н. Саркитов*

Художественный редактор *Е. Поляков*

Корректор *И. Яковенко*

Компьютерная верстка *В. Круглова*

Подписано в печать 28.08.08 г.

Формат 70x108 ¹/₃₂. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 48 000 экз. Заказ № 0809020.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.



Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 июля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Кассиль А. Собрание сочинений: В 5 томах	1400 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Кристи А. Собрание сочинений: В 13 томах	1885 р.
Популярная Энциклопедия: В 20 томах	6200 р.	Манн Т. Собрание сочинений: В 8 томах	2240 р.
Детская Энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Библиотека античной литературы: В 10 томах	3200 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Буссенар А. Собрание сочинений: В 10 томах	2710 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Волков А. Собрание сочинений: В 4 томах	860 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Гарт Б. Собрание сочинений: В 6 томах	1560 р.	Тэффи. Собрание сочинений: В 5 томах	905 р.
Герцен А. Избранные произведения: В 5 томах	1255 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Гоголь Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1610 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 20 томах	4200 р.	Чарская Л. Собрание сочинений: В 5 томах	910 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Ефремов И. Собрание сочинений: В 8 томах	2160 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.